

*Т.Н. Резвых
А.С. Цыганков*

С.Л. Франк и Русский научный институт в Берлине

Резвых Татьяна Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры новых технологий в гуманитарном обучении. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Российская Федерация, 115184, г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23Б; e-mail: hamster-70@mail.ru

Цыганков Александр Сергеевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: mldian@yandex.ru

В статье на основании немецких архивных материалов и периодической печати 1920–1930-х гг. анализируется история создания Русского научного института в Берлине, роль немцев в его институциональном оформлении, а также значение, которое имел институт в творческой биографии С.Л. Франка. Отдельное внимание уделяется лекционным курсам русского философа, которые были прочитаны на базе Русского научного института в Берлине; подчеркивается, что с работой С.Л. Франка в институте фактически было связано его обращение к изучению проблематики русской мысли и духовной культуры, которое в целом было несвойственно для философа в доэмигрантский период. Сам институт, таким образом, представлял С.Л. Франку институциональную легитимацию подобных исследований, которые частично соответствовали стремлениям и ожиданиям немецкой стороны, участвовавшей в создании Русского научного института в Берлине. В приложении к статье также публикуются архивные материалы – расшифровка конспектов четырех лекций философа под общей темой «Современные направления философии», прочитанных под эгидой института в конце 1928 – начале 1929 г. и хранящихся в настоящее время в Бахметевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк, США).

Ключевые слова: философия русской эмиграции, философы-эмигранты в Германии, Русский научный институт в Берлине, Немецкое общество по изучению Восточной Европы, С.Л. Франк, Отто Хётч

Важной страницей эмигрантской биографии С.Л. Франка периода его жизни в Германии (1922–1937 гг.) является сотрудничество философа с Русским научным институтом в Берлине¹. Во многом именно с этим учебным и научным учреждением институционально было связано обращение исследовательских интересов

---

¹ Далее – РНИ.

Франка к проблематике русской мысли, истории и культуры. В дальнейшем мы в общих чертах реконструируем историю возникновения и развития РНИ в 1920-х – начале 1930-х гг., акцентировав особое внимание на роли немцев в его создании, а также воссоздадим историю сотрудничества Франка с этой институцией, рассмотрим его творческие планы, доклады и выступления, которые были с ней связаны; в приложении к статье также публикуются архивные материалы – расшифровка конспектов четырех лекций философа под общей темой «Современные направления философии», прочитанных под эгидой РНИ в конце 1928 – начале 1929 г.

Русский научный институт в Берлине и интересы Германии

РНИ являлся единственной образовательной организацией в Германии, созданной русскими эмигрантами, в возникновении которой важную роль сыграли немцы. Уже на этапе планирования будущей институции активное участие принимали Прусское министерство науки, искусства и народного просвещения, Министерство иностранных дел Веймарской республики и Прусское министерство культуры. Значительную заинтересованность в создании РНИ также проявили Немецкое общество по изучению Восточной Европы (*Deutsche Gesellschaft zum Studium Osteuropas*) и комиссия по делам беженцев Лиги Наций, представленная Морицем Шлезингером. В чем заключалась причина подобного интереса немецкой стороны к созданию русской образовательной и научной институции?

Для начала обратимся к Немецкому обществу по изучению Восточной Европы, вице-президентом и основателем которого являлся Отто Хётч², один из ведущих немецких специалистов того времени по истории Восточной Европы и России, член рейхстага с 1920 г. Согласно мнению Хётча, которое он высказал еще на организационном заседании общества в феврале 1913 г.³, «вряд ли можно сомневаться, что для нашего познания России, ее истории и современности, нужно делать гораздо больше, чем делалось до сих пор... Много говорят о большом значении России для Германии в политическом и экономическом отношении. Но ведь экономика и политика только часть самой страны... Мы мало знаем о русском государственном мышлении, о панславизме, о русском национализме» [*Denkschrift von Hoetzsch...*, 1978, S. 305]. Иными словами, изучение России в ее различных аспектах понималось Хётчем как важное в первую очередь для самой Германии предприятие, которое даст возможность лучше понять своего европейского соседа. Свою заинтересованность в сотрудничестве на этот раз уже с советским государством Хётч продемонстрировал также во время подготовки и подписания Рапалльского договора, где он выступал в качестве переводчика [подробнее о деятельности Хётча как исследователя и политика см.: Schlögel, 2005, S. 5–28]. Активным сторонником «рапалльской политики» (*Rapallo-Politik*) являлся также член социал-демократической партии Германии Мориц Шлезингер, участвовавший в создании РНИ; во многом благодаря его дипломатическим стараниям между Советской Россией и Веймарской Германией 19 апреля 1920 г. был заключен договор об обмене пленными [см. подробнее: Unger, 1996]. Прорапалльскую позицию во внешней политике

² Газета «Руль» транскрибировала его имя как Гетчъ или Гецш [см., к примеру: Руль. 11.2.1923. № 670, с. 9; Руль. 16.11.1922. № 599, с. 6]; в современных исследованиях можно встретить написание Хетч.

³ Первоначальное название общества – “*Die Deutsche Gesellschaft zum Studium Russlands*” (Немецкое общество по изучению России); оно существовало в 1913–1914 гг., в июле 1918 г. оно было вновь открыто, на этот раз под названием «Немецкое общество по изучению Восточной Европы» [см.: Бородин, 2013, с. 93].

молодой немецкой республики занимал также хороший знакомый Хётча Адольф Георг фон Мальтцан, статс-секретарь Министерства иностранных дел, принимавший участие в переговорах по созданию РНИ. Таким образом, большая часть немецких политиков, связанных с возникновением РНИ, так или иначе была заинтересована в улучшении отношений с Советской Россией и в то же время придерживалась взглядов, согласно которым Германии необходимо интенсифицировать научную деятельность, направленную на изучение этой страны, что могло бы принести также практические преимущества.

Однако подобная позиция немецкой стороны могла бросить тень на саму рапалльскую политику, направленную на сближение с советским государством, из которого незадолго до того была выслана группа русских интеллектуалов, стремившихся организовать в Берлине отдельную образовательную и научную институцию. Для того, чтобы избежать недопонимания со стороны Москвы и выяснить ее позицию в отношении планирующейся институции, в декабре 1922 г. Хётч встретился с представителем Наркомпроса в Берлине Захаром Григорьевичем Грюнбергом, который заверил его, что со стороны советского правительства не возникнет никакого недопонимания из-за создания РНИ, так как в этом случае будет исключена любая политика [Voigt, 1995, S. 273]. Во многом этот разговор и нежелание спровоцировать осложнение отношений с Советской Россией привели к тому, что все необходимые переговоры – касающиеся финансирования, предоставления помещений, – которые вели немецкие министерства в связи с организацией РНИ, осуществлялись исключительно через Немецкое общество по изучению Восточной Европы. Кроме того, во избежание подозрений с советской стороны в какой-либо политической активности в стенах института, сам РНИ по требованию Министерства иностранных дел по крайней мере внешне должен был быть представлен как «организация Немецкого общества по изучению Восточной Европы» [Hoetzsch an Kultusminister 31.12.1922].

Вместе с тем, часть немецких правящих кругов, которые номинально стремились дистанцироваться от любой политической деятельности в РНИ, преследовали свои – хотя и основанные на неточном политическом прогнозе – интересы. Суть этих интересов сводилась к тому, что РНИ должен был выступить площадкой для подготовки новой русской элиты, которая – при условии падения советской власти и возвращения русских эмигрантов на родину – станет агентом немецкого политического влияния в новой России. Показательными в этой связи являются слова, опубликованные в газете “Germania” в связи с открытием РНИ: «Мы вправе ожидать от этой духовной жизни русских, что они в своем изгнании лучше познакомятся с немецким духовным миром и поймут его. Это понимание в будущем может стать основанием для улучшения отношений между двумя народами» [Germania. 1.4.1923]. Красноречиво подобную позицию немцев представил также философ и правовед Николай Николаевич Алексеев, который писал: «Во время НЭПа немцы были уверены, что большевикам пришел конец и, приобретая друзей среди русской интеллигенции, они думали, что завоевывают себе твердые позиции в будущей России» [цит. по: Михальченко, Ткаченко, 2017, с. 95]. Стремление создать потенциальную русскую элиту также хорошо просматривается в тематике курсов, которые читались в РНИ. Так, Александр Александрович Кизеветтер читал курс «Введение в русскую историю», Юлий Исаевич Айхенвальд рассказывал историю русской литературы, Н.А. Бердяев вел курс «История русской мысли», а П.Б. Струве читал «Историю экономической жизни» [Hartmut, 2016, S. 52]. Все эти курсы именовались одним словом – “Vaterlandskunde” (если переводить дословно – «родиноведение», а если учесть содержание курсов – «россиеведение»). Интересное воспоминание, говорящее об уверенности, царившей среди некоторых немцев в 1920-е гг., в том, что Советская Россия вскоре закончит свое существование и русские эмигранты смогут вернуться на родину, оставил тот же Алексеев, который в своих мемуарах

писал: «Немцы стали постепенно сужать бюджет основанного нами Русского Научного Института в Берлине и дело дошло до того, что однажды они предложили отказать от принадлежащего некогда нам движимого имущества, имений, домов, фабрик и т.п. в пользу германского правительства в обеспечение долга по нашему содержанию и содержанию “РНИ”. Я лично с легкостью это сделал, т.к. никакой движимостью в России не обладал, думаю, что некоторые из нас “жались”, но, в конце концов, согласились, о чем был составлен коллективный письменный акт» [цит. по: Михальченко, Ткаченко, 2017, с. 98]. Хотя это воспоминание документально пока никак не подтверждается, сам факт его достаточно примечателен.

При этом стоит также отметить, что, кроме политической заинтересованности, важную роль в создании РНИ сыграл еще один фактор: немецкая сторона действительно нуждалась в получении разносторонней экспертной информации о Советской России. Этот мотив был особенно актуален и значим в начале 1920-х гг., во время создания РНИ, пока между советским государством и Веймарской республикой еще не успели наладиться полноценные каналы культурного, политического и экономического общения, а существовавшие прежде связи были осложнены Первой мировой войной, революционными событиями и сменой политических режимов в обеих странах. В частности, подобной точки зрения придерживался Хётч, который, в отличие от ряда своих немецких коллег, не находил идею падения советского государства и возвращения русских эмигрантов на родину реалистичной. В этой связи характерно его высказывание относительно реставрационных стремлений членов царской семьи, бежавших во Францию: «Если великий князь Кирилл действительно тайно короновался, то это есть не что иное, как ребячество, на которое эмиграция впустую тратит свое время и силы. Я уже говорил о том, как мало, по моему убеждению, сможет достичь русская эмиграция в России, даже если там поменяется ситуация» [Hoetzsch an Schmidt-Ott 12.3.1924].

РНИ как учебное заведение и научное учреждение

4 ноября 1922 г., через месяц после прибытия в Германию первой группы высланных из России ученых, Франк писал П.Б. Струве в Прагу о том, что в Берлине «находится в подготовительной стадии “русский институт”, т.е. институт изучения России и русской культуры» [Переписка П.Б. Струве и С.Л. Франка, 2018, с. 156]. Публично инициатива создания РНИ прозвучала на «германско-русском вечере», организованном Немецким обществом по изучению Восточной Европы и германским Красным Крестом 14 ноября 1922 г. С немецкой стороны речи произносили представители общества проф. Хётч и бывший министр Шмидт-Отт, а также проф. Бум от Красного Креста; от русских выступили В.И. Ясинский, С.Л. Франк, И.А. Ильин и Ф.А. Степун [Руль. 16.11.1922. № 599, с. 6]⁴. А 16 ноября состоялось организованное Русской академической группой в Берлине общее собрание лиц, высланных из России, на котором было принято решение о создании комитета «по организации Русского Института» и постановлено из имеющихся в распоряжении академической группы (высланные профессора вошли в ее состав) тысячи франков «600 франков ассигновать на учреждение института научных знаний» [Руль. 18.11.1922. № 601, с. 6; Дни. 19.11.1922. № 19, с. 7]⁵.

⁴ Также с немецкой стороны во встрече принимали участие Мориц Шлезингер и представитель Министерства культуры Хуго Андреас Крюсс [см.: Voigt, 1995, S. 272; Kirchhoff, 2003, S. 129].

⁵ В состав организационного комитета входили Ю.И. Айхенвальд, Н.А. Бердяев, Б.Д. Бруцкус, И.А. Ильин, А.И. Каминка, Л.П. Карсавин, А.А. Кизеветтер, Н.О. Лосский, С.Н. Прокопович, С.Л. Франк, А.А. Чупров, В.И. Ясинский и другие [см.: Русская литературная..., 1923, с. 36].

Русская академическая группа в Берлине стала, собственно, основным инициатором создания РНИ со стороны русской эмиграции. В конце ноября – начале декабря 1922 г. состоялись заседания группы⁶, на которых, во-первых, она была переименована в Русский академический союз; во-вторых, произошла реорганизация бюро, которое до сих пор возглавлял А.И. Каминка, – теперь в его состав вошли В.И. Ясинский (председатель), Л.П. Карсавин (товарищ председателя), В.Э. Сеземан (секретарь), А.М. Боголепов и С.Л. Франк (члены правления); в-третьих, было определено, что «в ближайшие задачи союза входит основание Русского Научного Института», при этом отмечено, что «Прусское министерство народного просвещения чрезвычайно сочувственно отнеслось к мысли об основании института и предоставило в его распоряжение несколько аудиторий и комнат в старом здании “*Vauakademie*” на *Schinkelplatz*» [Руль. 13.12.1922. № 621, с. 3].

В опубликованной 22 декабря информации о работе организационного комитета по созданию РНИ во главе с проф. Ясинским говорилось, что «в настоящее время ведутся переговоры с прусским министерством народного просвещения (*Kultusministerium*) и с берлинскими высшими и средними учебными заведениями относительно подыскания соответствующего помещения, лаборатории и т.п.». Вопрос о дислокации еще не был решен окончательно – допускалось, что «русский университет будет помещаться или в здании берлинского университета, что весьма вероятно, или же в специальном здании». Отмечалось, что кроме Немецкого общества по изучению Восточной Европы в организации и финансировании университета большое участие принимают также «американские благотворительные и просветительные организации и целый ряд немецких и общественных учреждений». Сообщение отразило также еще не вполне определенный статус института, точнее – его «учебно-просветительных» задач (задачи «чисто научные, как то: изучение России», вырисовывались вполне определенно). Речь шла о том, чтобы дать возможность русскому студенту, обучающемуся в германском учебном заведении и оторванному от родины, заполнить «пробелы в прохождении тех дисциплин, которых он лишен при прохождении немецкого научного курса»; с другой стороны, возникал вопрос – как быть со слушателями, которые не учатся в германских вузах, т.е. «удобно ли давать дополнительные курсы, не давая пока основных». Одновременно выражалась надежда, что открываемое высшее учебное заведение поначалу будет носить вспомогательный характер, но «через некоторое время будет развернуто в полноправный университет». Не успев открыться, институт уже расширялся – говорилось об открытии не 4, как предполагалось ранее, а 5 отделений: правового, статистико-экономического, духовной культуры, сельскохозяйственного и биологического [Руль. 22.12.1922. № 629, с. 6].

Говоря об основных этапах в истории развития РНИ, торжественно открытого 17 февраля 1923 г., стоит отметить, что первый семестр его существования был самым успешным. Так, к апрелю 1923 г. на курсы записались много студентов и вольных слушателей, всего 581 человек [подробнее численный состав обучающихся см.: Voigt, 1995, S. 276–277]. В начале следующего, зимнего семестра 1923/1924 гг. стоял вопрос о преобразовании института в Русский университет; отделения были заменены тремя факультетами: историко-филологическим, юридическим и коммерческим [Руль. 18.11.1923. № 900, с. 9].

Однако начавшийся вскоре отток русских эмигрантов из Берлина, вызванный введением рентной марки и торможением гиперинфляции в Германии (прежде многим русским эмигрантам, которые обладали английской и американской валютой, удавалось выгодным образом использовать нестабильность курса немецкой

⁶ Берлинская газета «Дни» писала о «нескольких собраниях, конкретно называя даты 29 ноября и 1 декабря [Дни. 3.12.1922. № 30, с. 7].

марки), привел к резкому сокращению учащихся в РНИ. В своем докладе о работе института в 1924 г. его директор Ясинский сообщал: «Чрезвычайно тяжелые экономические условия жизни в Германии разделили находящуюся здесь русскую колонию и воспрепятствовали притоку учащейся молодежи из других стран». Число учащихся сократилось до 230, были объединены юридический и коммерческий факультеты, а на историко-филологическом оставлено одно отделение. «Из 27 профессоров, числящихся в составе ученой коллегии, фактически преподают только 15. Кроме них в институте имеется 10 доцентов. Профессора получают по 160 мар<ок> в месяц, доценты по 120» [Руль. 28.1.1925. № 1262, с. 4].

Осложняло ситуацию также то, что еще на этапе переговоров по созданию института Прусское министерство науки, искусства и народного просвещения отказалось признать посещение русских курсов в качестве «надлежащего обучения» и подготовительной ступени для поступления в высшие учебные заведения Германии со следующей формулировкой: «Институт рассматривается как частное начинание русских. Не может быть и речи о какой-либо его органической связи с университетом... Посещение русских курсов не может быть признано государством в качестве надлежащего обучения» [Ministerium für Wissenschaft, Kunst und Volksbildung an O. Hoetzsch 21.11.1922]⁷. Кроме того, РНИ в отличие от схожего института в Праге не мог обеспечить учащимся финансовой поддержки. Так, Иосиф Владимирович Гессен вспоминал, что «в Берлине молодежь такой (т.е. финансовой. – Т.Р., А.Ц.) поддержки не получала, а потому, когда после дефляции беженская масса схлынула во Францию, Институт быстро опустел» [Гессен, 1979, с. 83].

Сложившаяся ситуация привела к необходимости преобразования РНИ в исключительно научное исследовательское учреждение, которое продолжало находиться под патронажем Немецкого общества по изучению Восточной Европы и Хётча. Уже в январе 1925 г. РНИ начал параллельно учебному процессу чтение публичных докладов «с целью ознакомить немецкие заинтересованные круги» [Руль. 28.1.1925. № 1262, с. 4], и впоследствии только увеличивал их число. Программа преобразования была намечена ученым советом института 17 июня 1925 г., а уже 5 января 1926 г. Франк писал Бердяеву: «Наш Институт кончает свое существование в качестве учебного заведения и преобразовывается в ученое учреждение – нечто вроде русской академии науки. Я стою во главе “философско-исторического отделения”. Наша главная задача – выпускать на немецком языке работы о России и русской духовной культуре» [Из переписки С.Л. Франка и Н.А. Бердяева, 2014, с. 139].

Подобная идеологически нейтральная задача института, о которой говорит Франк, сохранялась лишь в 1920-е гг. К февралю 1931 г. относится распоряжение Министерства внутренних дел, согласно которому «Русский научный институт должен выполнять задачу поиска и сбора аутентичного материала из русских коммунистических источников, касающегося большевизации Германии» [Übersicht über die laufenden Aufgaben des Russischen Wissenschaftlichen Instituts]. В этом свете представляется закономерным, что после прихода к власти партии национал-социалистов РНИ довольно быстро, 31 июля 1933 г., перешел в ведение Рейхсминистерства просвещения и пропаганды [Voigt, 1995, S. 278]. Впрочем, еще 1 февраля 1932 г. Франк писал Чижевскому о том, что «наш Русский институт кончает свое существование и у нас свыше 10 русских ученых остаются без хлеба» [С.Л. Франк. Письма к Д.И. Чижевскому, 2006, с. 327]; последний «всплеск активности» старого состава института фиксируется в ноябре – декабре этого года, когда с лекциями на немецком и русском языках выступали И.А. Стратонов, И.А. Ильин, С.К. Гогель, А.А. Боголепов,

⁷ По первоначальному плану, предложенному Хётчем, РНИ должен был вести активное сотрудничество с Берлинским университетом (где мог и разместиться, как упомянуто в приведенной выше заметке от 22 декабря), но это сотрудничество также не было акцептировано министерством.

А.А. Овчинников и С.Л. Франк [Chronik russischen Lebens..., 1999, S. 450–452], а уже в 1933 г. институт не подавал признаков жизни. В начале 1934 г. состоялось его «повторное открытие», вызванное тем, что – как сообщала газета «Возрождение» от 2 февраля 1934 г. – прежде РНИ был не «истинно народнический», но либеральный и отражал все то, что «было ненародническим в Веймарской республике» [Возрождение. 2.2.1934. № 3167. С. 5]. К этому же времени относится практически полное исчезновение упоминаний об РНИ в корреспонденции русских философов-эмигрантов, хотя, судя по архивным данным, институт продолжал свое существование до начала 1940-х гг.

Участие С.Л. Франка в работе Русского научного института в Берлине

Как уже отмечено, Франк стоял непосредственно у истоков возникновения РНИ, активно участвуя в создании и работе организационного комитета. После открытия самого института Франк являлся членом Ученого совета и заместителем директора, был деканом историко-филологического факультета, а 25 ноября 1931 г. был избран директором вместо ушедшего по состоянию здоровья Ясинского («естественно, на общественных началах», как замечал сам философ в письме Ф. Либу [Янцен, 2002, 499]). С работой Франка в РНИ фактически было связано его обращение к изучению проблематики русской мысли и духовной культуры (особенно это стало заметным после преобразования РНИ в исследовательский институт), которое в целом не было характерно для философа в доэмигрантский период [подробнее см.: Цыганков, Оболевич, 2021, с. 111–112]. Хотя здесь же стоит помнить о том, что стремление проанализировать причины русской революции и тем самым ее идейно-философские истоки являлось вполне понятным и оправданным для творчества Франка (участника и жертвы этих политических преобразований) 1920-х гг. РНИ известным образом предоставлял институциональную легитимацию подобных исследований, которые частично соответствовали стремлениям и ожиданиям немецкой стороны. Остановимся далее на лекционной работе Франка в РНИ⁸.

В рамках учебной программы РНИ в первом весеннем семестре 1923 г. Франк читал курс лекций «Введение в философию» и вел семинар по «новой русской философии» [Руль. 16.2.1923. № 674, с. 6]. В зимнем семестре 1923/1924 гг. он читал курс «История древней философии», а также вел семинар по философии [Руль. 1.11.1923, с. 5]. В следующем учебном году в зимнем семестре Франк читал курс «Психология» и вновь вел семинар по философии, а весной 1925 г. читал курс лекций по «Истории новой философии» [Руль. 23.10.1924. № 1183, с. 4; Руль. 3.5.1925. № 1342, с. 5]. В начале 1926 г., когда осуществлялось преобразование РНИ в чисто научное учреждение, Франк читал курс «Этика» под эгидой Религиозно-философской академии, и одновременно – «для слушателей Русского научного института» [Руль. 19.1.1926. № 1559, с. 4; Руль. 4.3.1926. № 1597, с. 4].

25 января 1925 г. философ произнес речь «Своеобразие русской философии» во время годовичного акта института [Руль. 23.1.1925. № 1258, с. 4], а 30 января

⁸ Работа Франка не ограничивалась только лекциями. В качестве заместителя директора по науке он организовывал научные издания – в 1926 г. проект “Russische Denker” («Русские мыслители») в трех выпусках [см. подробнее: Аляев, 2020 б, с. 606–609], а в 1929–1930 гг. два сборника статей – “Tolstoj” и “Aus der russischen Geisteswelt” («Толстой» и «Из русского духовного мира») [см.: Янцен, 2002, с. 456, 461, 463, 465, 467, 476, 479]. Однако финансовые проблемы не позволили этим изданиям увидеть свет.

открыл цикл докладов профессоров РНИ на немецком языке, организованный Немецким обществом по изучению Восточной Европы (доклад “Die russische Weltanschauung vornehmlich im 19. Jahrhundert” – «Русское мировоззрение преимущественно в XIX в.») [Руль. 29.1.1925. № 1263, с. 4]. С 1926 г. небольшие циклы публичных лекций на русском и немецком языках становятся единственной формой лекционной работы института. Так, 29 января этого года Франк открыл цикл лекций на немецком языке под общим названием “Russlands Kultur- und Geistesleben” («Духовная и культурная жизнь России») – он прочитал доклад “Die Hauptprobleme der russischen Philosophie” («Основные проблемы русской философии») [Руль. 3.2.1926. № 157, с. 4]. Сам цикл должен был иметь определенный успех у немецкой публики, по крайней мере, об этом свидетельствовала газета «Руль» от 11 ноября 1926 г.: «Русский научный институт в Берлине, считая одной из своих главнейших задач распространение среди германских кругов сведений о русской культуре и о современном состоянии России, уже в минувшем учебном году организовал цикл лекций о России на немецком языке. Успех, который выпал на долю этих лекций, привлекавших весьма большое количество слушателей, побудил Ученый совет института возобновить в текущем учебном году чтение этих лекций по более обширной программе». В частности, в зимнем семестре 1926–1927 гг. был запланирован цикл лекций по теме «Русская философия и литература» [Руль. 11.11.1926. № 1808, с. 6]. В рамках этого цикла Франк прочитал 23 ноября 1926 г. лекцию “Konstantin Leontjew – ein russischer Nietzsche” («Константин Леонтьев – русский Ницше») [Руль. 20.11.1926. № 1815, с. 6]. В декабре философ начал цикл “Einführung in die Metaphysik (im Zusammenhang mit den Hauptmotiven der russischen Philosophie)” («Введение в метафизику (в связи с основными мотивами русской философии)»), который продолжил в январе [Руль. 5.12.1926. № 1828, с. 9; Руль. 8.1.1927. № 1856, с. 4; Руль. 23.1.1927. № 1869, с. 8], а также цикл на русском языке «Основные вопросы христианского мирозерцания»⁹. 2 марта 1927 г. философ читал по-немецки лекцию «Тютчев и его метафизическое миропредставление» [Руль. 1.3.1927. № 1900, с. 4], 13 мая выступил с докладом на немецком языке на тему «Русская революция и современный кризис идей» [Руль. 8.5.1927. № 1957, с. 8], а завершила этот семестр 7 июня русскоязычная лекция «Кризис современного научного мировоззрения» [Руль. 5.6.1927. № 1980, с. 8].

В зимнем семестре 1927 г. Франк прочел под эгидой РНИ цикл из шести лекций «Социальная философия»¹⁰. Среди немецкоязычных лекций, прочитанных до конца 1927 г., известно о лекциях под названием «Маркс и Пугачев» [Руль. 13.11.1927. № 2117, с. 7; см. также: Цыганков, Оболевич, 2017, с. 59–71], «Русский Ницше» (очевидно, вновь о Леонтьеве) [Руль. 20.11.1927. № 2122, с. 10], «Гоголь, как религиозный мыслитель» [Руль. 11.12.1927. № 2140, с. 9]. Среди немецкоязычных выступлений Франка в РНИ 1928 г. можно отметить лекции «Современная русская философия: онтология» [Руль. 29.1.1928. № 2181, с. 10], «Современная русская философия: религиозная философия» [Руль. 5.2.1928. № 2187, с. 6], “Gemeinschaft und Freiheit in der griechischen Orthodoxie” («Общность и свобода в греческом православии») [Руль. 3.6.1928. № 2284, с. 6.], “Rainer Maria Rilke’s Mystik in ihrer Beziehung zur russischen Religiosität” («Мистика Райнера Марии Рильке в ее отношении к русской религиозности») [Руль. 17.6.1928. № 2296, с. 6], “Tolstoi als Denker (Zum 100-jährigen Geburtstage Tolstoi’s”

⁹ В декабре была прочитана одна или две лекции на эту тему [см.: Руль. 10.12.1926. № 1832, с. 4; Руль. 16.12.1926. № 1837, с. 4], но в конце января 1927 г. Франк начал цикл заново и до середины марта прочитал 7 лекций [см.: Руль. 23.1.1927. № 1869, с. 8; Руль. 30.1.1927. № 1875, с. 7; Руль. 6.2.1927. № 1881, с. 7; Руль. 13.2.1927. № 1887, с. 7; Руль. 20.2.1927. № 1893, с. 7; Руль. 1.3.1927. № 1900, с. 4].

¹⁰ Одноименный цикл лекций был прочитан философом также в 1928 г.

(«Толстой как мыслитель (К 100-летию со дня рождения Толстого)») [Руль. 18.11.1928. № 2428, с. 6]¹¹.

В первом полугодии 1929 г. философ также прочел от РНИ цикл из трех лекций на немецком языке под названием “Hauptprobleme der Sozialphilosophie im Zusammenhang mit russischen geistigen Strömungen” («Основные проблемы социальной философии в связи с русскими духовными течениями») [Руль. 3.2.1929. № 2490, с. 6; Руль. 10.2.1929. № 2496, с. 6] и выступил с лекцией “Nikolai Fedoroff und die Religion der Auferweckung” («Николай Федоров и религия воскрешения») [Руль. 7.5.1929. № 2566, с. 5]; а в конце 1929 г. читал немецкоязычный курс из четырех лекций под названием “Hauptprobleme der Religionsphilosophie (mit besonderer Berücksichtigung der russischen Religiosität)” («Основные проблемы религиозной философии (с особым акцентом на русской религиозности)») [Руль. 24.11.1929. № 2736, с. 10].

В 1930–1931 гг. Франк продолжал читать немецко- и русскоязычные циклы лекций и выступать с отдельными докладами в РНИ, при этом содержательно немецкие циклы пересекались с курсами лекций для Славянского института Берлинского университета, которые философ читал в эти же годы [см.: Цыганков, Оболевич, 2019, с. 50–51]. Прекращение сотрудничества Франка с РНИ необходимо отнести к 1932 г. – очевидно, последним был доклад “Goethe in Rußland” («Гёте в России»), прочитанный 6 декабря [Chronik russischen Lebens..., 1999, S. 451]. После «повторного открытия» института его имя в профессорском составе уже не упоминалось. Правда, в письме к Чижевскому от 13 февраля 1934 г. Франк упоминает о завершении «цикла наших лекций на этот семестр», однако одно из предыдущих писем от 26 ноября 1933 г., в котором Франк поднимает тему приглашения Чижевского с лекциями в Берлин, как и ответ последнего [С.Л. Франк. Письма к Д.И. Чижевскому, 2006, с. 327–335; ВА. S.L. Frank Papers. Box 1. Chyzyhevs'kyi, Dmytro], позволяют утверждать, что речь идет о лекциях не по линии РНИ, а по линии Русского академического союза, с которым Франк продолжал сотрудничать до конца своего пребывания в Германии.

Цикл лекций «Современные направления в философии»

Цикл русскоязычных лекций под названием «Современные направления в философии» (конспекты которых публикуются в настоящем номере «Истории философии») Франк читал в зимнем семестре 1928/1929 гг. Всего цикл состоял из четырех лекций, посвященных прагматизму, философии А. Бергсона, феноменологии Э. Гуссерля и русскому интуитивизму. Газета «Руль» сохранила объявления только о трех лекциях философа. Так, вторая по счету лекция о философии Бергсона состоялась в четверг, 6 декабря [Руль. 2.12.1928. № 2439, с. 8] – соответственно, первая лекция по прагматизму была прочитана Франком, скорее всего, 29 ноября¹². Выступление, посвященное феноменологии Гуссерля, было назначено на 13 декабря [Руль. 9.12.1928. № 2445, с. 9], но перенесено из-за болезни Франка на 20-е [Руль. 13.12.1928. № 2448, с. 4], однако и в этот день не состоялось в связи с похоронами Айхенвальда

¹¹ Также планировалась 17 декабря лекция “Nikolai Fedorow und seine Philosophie der gemeinsamen Tat” («Николай Федоров и его философия общего дела») [Руль. 16.12.1928. № 2451, с. 7], но в связи с трагической гибелью в этот день Ю.И. Айхенвальда она не состоялась.

¹² В этом семестре циклы публичных лекций как на немецком, так и на русском языках институт начал 19 ноября, и на первой неделе Франк читал немецкую лекцию о Толстом, а в четверг 22 ноября состоялась лекция В.П. Полетики о сельском хозяйстве России [см.: Руль. 18.11.1928. № 2428, с. 6]. Информация о лекциях на второй неделе в «Руле», к сожалению, не появилась.

[см.: Рунль. 20.12.1928. № 2454, с. 4]. Видимо, в итоге лекция о Гуссерле была прочитана уже в январе 1929 г., так как 5 февраля 1929 г., во вторник, философ завершил лекционный цикл выступлением об интуитивизме [Рунль. 3.2.1929. № 2490, с. 6]. Все лекции читались в помещении реальной гимназии Вернер-Сименс на Гогенштауфенштрассе 47/48.

Этот цикл представляется не совсем обычным на фоне лекционной практики Франка под эгидой РНИ. Если присмотреться к тематике его докладов и небольших публичных курсов, читавшихся во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. (частично упомянутых выше), то в подавляющем большинстве они были связаны с русской тематикой, или касались проблематики социальной философии (т.е. отражали содержание книги «Духовные основы общества», вышедшей в начале 1930 г.). Пожалуй, можно отметить только еще три отдельных выступления, которые тематически созвучны данному циклу – это лекция «Что такое человек? (Проблема философской антропологии)» (13 мая 1929 г.), в значительной степени посвященная М. Шелеру; лекция «Психоанализ в его философских мотивах» (26 мая 1930 г.) и лекция «Философия человеческого существования (о философии М. Гейдеггера)» (7 мая 1931 г.). Отметим, что все эти выступления были на русском языке, т.е. преследовали совсем не те цели, которые имели в отношении РНИ немецкие покровители, а были направлены на просвещение еще остававшихся в Берлине русских слушателей, интересовавшихся современной философией.

Вместе с тем стоит отметить, что и в своих выступлениях по русской тематике – об отдельных мыслителях или о русском мировоззрении и русской философии в целом, – Франк, как правило, старался вписать русскую мысль в общеевропейский контекст или провести параллели с немецкой мыслью. Собственно, и в данном цикле русская философия оказывается в ряду других национальных традиций, и, так сказать, *last not least*. Франк последовательно проводил мысль о том, что философия, выступая в лице отдельных ее представителей и направлений частью национальной культуры, всегда остается универсальным знанием, интересным и важным, прежде всего, своим отношением к абсолютной истине, которое всегда имеет конкретное воплощение.

С другой стороны, отмеченная «необычность», вполне объяснимая упомянутой ориентацией на русскую аудиторию, полностью нивелируется еще и тем, что чуткое внимание к тенденциям современной ему философской мысли было всегда свойственно Франку, что легко увидеть и в его крупных работах, и в многочисленных статьях. Если он, безусловно, был историком русской философии [Аляев, 2020а, с. 421–471], то не менее верным будет назвать его историком философии вообще (одно лишь приложение к «Предмету знания» – «К истории онтологического доказательства» – достаточное тому основание), стоит также отметить особо сложную позицию историка/участника современной философии. Особая сложность состоит здесь в неизбежной субъективности взгляда самого участника процесса (впрочем, от любого историка самой древней философии невозможно ожидать стопроцентной объективности), равно как в необозримом количестве текущей литературы, которую нужно оперативно осмысливать.

В этом смысле выбор Франком направлений, представляющих современную философию, был определен, конечно, его собственными предпочтениями и собственной философской позицией, – в чем, пожалуй, и состоит *объективная* ценность такого выбора. Итак, наряду с русским интуитивизмом, Франк выделяет в современной ему философии первой трети XX в. прагматизм, философию Бергсона и феноменологию Гуссерля.

Все эти философские течения громко заявили о себе в первые годы столетия, и уже тогда, т.е. до эмиграции, анализировались Франком в ряде его публикаций. Прежде всего, Франк писал о «кризисе» философии на рубеже веков (в публикуемом

конспекте – об «упадке»), точнее – о своеобразном состоянии, когда «на почве глубокого внутреннего кризиса» происходило «богатое плодотворное развитие» [Франк, 1916, с. 33]. Кризисное состояние было характерно, в частности, для неокантианского гносеологизма и психологизма, а признаки плодотворного развития Франк усматривал в «новой онтологии»¹³, отмечая их уже у Когена и Шуппе, но более определенно – у Гуссерля и Ремке [Там же, с. 35–36]. Еще ранее новый поворот к метафизике он связывал с именем Бергсона, выделяя в результате двух основных лидеров современной философии, которые стали главными героями и его лекций конца 1920-х гг.: «Всякая гносеология – как учит самый пронизательный и непредвзятый современный немецкий мыслитель Гуссерль – есть феноменология; всякая феноменология, – прибавляет вождь современной французской философии Бергсон, – есть погружение мысли в бесконечное богатство бытия, т.е. метафизика» [Франк, 1912а, с. 35].

Прагматизм громко прозвучал в России в начале XX в., и одним из активных аналитиков этого явления стал Франк. В начале 1910 г. он выступал с докладами – сначала об У. Джеймсе в Петербургском религиозно-философском обществе, а затем о прагматизме в московском философском кружке М.К. Морозовой; последнее выступление вызвало бурную дискуссию, в которой, между прочим, еще молодой философ Франк уверенно защищал свою позицию от оппонировавшего ему мастиго Л.М. Лопатина [Франк, 2020а, с. 521–559]. В своих докладах и в статьях Франк решительно критиковал прагматизм как гносеологическое учение, но в то же время усматривал его ценность и большое значение в преодолении наивного интеллектуализма и прямолинейного рационализма: «Прагматизм есть, быть может, крупнейший и самый интересный продукт общего кризиса, переживаемого философией; не имея в области научной философии никакого положительного значения, он чрезвычайно ценен отрицательно, ибо его разрушительная деятельность расчищает почву для построения или, вернее, возрождения того объективного философского знания, стремление к которому человеческой мысли никогда не может прекратиться» [Франк, 2020в, с. 399]. При этом Франк настойчиво отделял от теории прагматизма учение Джеймса о религиозном опыте, признавая последнее «заслуживающим величайшего внимания» [Франк, 2020а, с. 555–556], поскольку, при всех своих несовершенствах, оно – вместе с родственными учениями Н.О. Лосского, Т. Липпса и Г. Гомперца – «ведет к признанию *интуиции* основой всякого опытного знания и тем самым вскрывает общий корень “знания” и “веры”» [Франк, 2020г, с. 347]¹⁴. Это учение оставалось для Франка исходным ориентиром в его поздних работах, в которых религиозный опыт как основа веры и живого знания стал одним из главных предметов философской рефлексии.

Возвращаясь к Бергсону, отметим, что впервые Франк обратил внимание на французского философа в статьях 1908 г. «Знание и вера» и «Личность и вещь», сосредоточившись тогда, впрочем, на рассмотрении неовитализма В. Штерна. В дискуссиях о прагматизме Франк не соглашался с тенденцией безоговорочного зачисления Бергсона в это направление (характерной, например, для того же Лопатина [Франк, 2020а, с. 529]), подчеркивая существенные отличия между английским и французским прагматизмом и не скрывая своих предпочтений: «Тогда как английский эмпиризм, так сказать, *не доходит* до отвлеченного знания, французский интуитивизм, наоборот, старается перейти через него, по-гегелевски (хотя и на иной лад) стать *выше*

¹³ Отметим, что Франк уже в 1916 г. использовал это обозначение, ставшее популярным позднее благодаря Николаю Гартману.

¹⁴ Эту статью о Джеймсе 1910 г., как и упомянутое выше выступление на магистерском диспуте «Кризис современной философии», и еще одну статью о прагматизме, впервые напечатанную в 1913 г., Франк включил в свой сборник «Живое знание», опубликованный уже в Берлине в 1923 г.

его» [Франк, 2020в, с. 387 примеч.]. Настоящим событием для Франка стал доклад Бергсона о философской интуиции на IV Всемирном философском конгрессе. Рассуждения о сущности философского творчества, о соотношении сложной понятийной системы и первичной философской интуиции легли на благодатную почву – Франк неоднократно в дальнейшем возвращался к этой идее, рассматривая через эту призму и собственное философствование. Более того, в бергсоновском понимании интуиции Франк усматривал близкую ему самому тенденцию к метафизике, понимаемой не как «система отвлеченных мыслей», а в качестве «более жизненной философии, которая не отрывала бы познающий дух от самой реальности» [Франк, 1912а, с. 35]. При этом русский философ, начиная от первых рецензий о Бергсоне и книги «Предмет знания» (1915), в которой разработал метафизику абсолютного реализма, признавая свою близость к философии Бергсона, в то же время последовательно отмечал односторонности и даже заблуждения бергсонизма, состоящие «в его смешении переживания с интуицией, или иррациональной смутности со сверхрациональной конкретностью» [Франк, 1995, с. 305]. Интересно, что Л. Бинсвангер, прочитав сначала немецкие выдержки, а потом французский перевод «Предмета знания», отметил как раз выступление Франка «*против* Бергсона», посчитав его критику «ценной и убедительной» [Переписка С.Л. Франка и Л. Бинсвангера, 2021, с. 73, 268], на что Франк, в свою очередь, очень рекомендовал швейцарскому психологу «Два источника морали и религии» [Там же, с. 110, 119], усматривая у Бергсона фактически уникальный «дар изложения “непосредственного опыта”» [Там же, с. 193]. Глубокое духовное родство, но одновременно и критическое отношение к французскому интуитивисту проявилось и в публикуемом конспекте, и, конечно, в написанной уже в 1941 г. статье о Бергсоне, в которой, по мнению И.И. Блауберг, Франк «в ряде моментов сильнее, чем в ранний период, сближается с французским философом» [Франк, 2014, с. 519].

Отношение Франка к феноменологии Гуссерля в основном сформировалось уже тогда, когда он выступил редактором первого русского перевода «Логических исследований» (1909 г.), и было им четко выражено в «Предмете знания». И в этом случае, признавая близость своих взглядов к гуссерлевскому «интенционализму», Франк проводил однозначную линию отличия: Гуссерль, по его мнению, не решает основную гносеологическую проблему – «как возможна вообще цель познания, в смысле чего-то, совершенно независимого от всякого знания и логически ему предшествующего и вместе с тем, во всей этой независимости нам доступного или у нас присутствующего» [Франк, 1995, с. 104]. Сам выступая фактически феноменологом в своих исследованиях – особенно ярко это проявилось в книге «Душа человека» (1917), – Франк оказывается ближе не к чистой феноменологии Гуссерля, а скорее к реалистической феноменологии А. Райнаха, непосредственно опираясь, впрочем, прежде всего на реализм Гёте [Аляев, 2009, с. 17–28]. Интересно, что как раз в 1929 г. – после цикла лекций о современных направлениях в философии – Франк искал возможность через Либа (а в 1930 г. – через Чижевского) выступить с лекцией во Фрайбурге, объясняя это желание тем, что «было бы особенно интересно познакомиться с Гуссерлем и Хайдеггером и в их присутствии прочесть доклад» [Янцен, 2002, с. 446–447]. К сожалению, ни лекция, ни знакомство не состоялись.

В результате именно русский интуитивизм выступает у Франка неким синтезом, в значительной степени преодолевающим односторонности прагматизма, бергсонизма и гуссерлианства, но созвучным с ними по своей тенденции сверхрационального преодоления ограниченности чисто рационального знания. При этом, говоря об интуитивизме русской философии, Франк имеет в виду не какое-то отдельное направление, а общую характерную черту – еще в первой своей эмигрантской статье о русской философии он подчеркивал, что интуиция присуща русскому мышлению, «так сказать, с малолетства» [Франк, 1996, с. 151]. Различая

два образа русской философии – школьно-научно-систематической и религиозно-мировоззренческой – Франк усматривал в качестве их общего корня «*интуитивное учение о мировоззрении*» [Там же; см.: Аляев, 2020а, с. 432–434]. В публикуемом конспекте он специально замечает, что будет говорить только о «научной философии», оставляя «религиозную» в стороне.

Представителями русского интуитивизма как «научной философии» оказываются здесь Вл.С. Соловьев, Л.М. Лопатин, кн. С.Н. Трубецкой, Н.О. Лосский, сам Франк и А.Ф. Лосев. В целом, этот перечень соответствует тому, что Франк писал о русской философии в своих статьях 1920–1930-х гг. Впрочем, как правило, он подчеркивал первенство Лопатина в разработке научно-систематической философии, говоря о Соловьеве, что «собственно философом в обычном смысле» он является «только между прочим» [Франк, 1996, с. 150]. Важно отметить, что продолжение этой традиции Франк усматривает в системе Лосева. В начале 1928 г. Франк опубликовал в журнале «Путь» рецензию на две книги Лосева – «Философия имени» и «Античный космос и современная наука», – которые дошли в эмиграцию «из недр самой советской России» [Франк, 1928б, с. 89]. По поводу этой рецензии Франк писал Бердяеву 8 ноября 1927 г., что «был осторожен и не договаривал до конца всего, что нужно было бы сказать, ограничиваясь намеками, чтобы не повредить Лосеву» [«В Берлине Вы объективно нужнее», 2016, с. 62]. Впрочем, он однозначно высказался в ней по поводу суждений редактора нового издания «Истории новейшей философии» Ибервега о том, что «Россия перестала существовать как культурное государство» – своими книгами, утверждал Франк, Лосев не только «выдвинулся в ряд первых русских философов», но и «засвидетельствовал, что и внутри России жив дух истинного философского творчества» [Франк, 1928б, с. 90].

* * *

Конспекты лекций цикла «Современные направления в философии» сохранились в фонде Франка в Бахметевском архиве Колумбийского университета (США) в разрозненном виде – очевидно, при передаче бумаг философа в архив эти документы не рассматривались как единое целое. Конспект первой лекции (о прагматизме) со вступлением оказался в боксе 12, причем данное архивистами название папки – «Современное направление в философии» – свидетельствует о том, что упоминание во вступлении о 4-х лекциях не было учтено [ВА. Box 12. *Sovremennoe napravlenie v filosofii*]. Конспект второй лекции сохранился в боксе 11 в папке «Философия Бергсона» [ВА. Box 11. *Filosofia Bergsona*]. Конспекты третьей и четвертой лекций оказались вновь в боксе 12, причем оба в одной папке с названием «О феноменологии Гуссерля», т.е. конспект лекции о русском интуитивизме (он не имеет названия, но написан на отдельном листе) не был выделен при составлении архива в качестве самостоятельного документа [ВА. Box 12. *On the phenomenology of Husserl*]. Вообще авторские названия имеют только два конспекта – о прагматизме и о Гуссерле, причем только первый обозначен еще и номером; для ясности мы восстанавливаем в угловых скобках недостающую нумерацию и названия, согласно газетным объявлениям. Каждый конспект представляет собой сложенный вдвое лист, исписанный в формате тетрадных страниц, причем только конспект о Гуссерле имеет характерные для Франка поля, на которых есть вставки как чернилами, так и карандашом; остальные конспекты написаны без полей (небольшая правка сделана между строк).